

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

И. А. Латышев. Семейная жизнь японцев. М., 1985. 288 с.

Советские читатели испытывают постоянный и закономерный интерес к сведениям, касающимся любых сторон общественной и культурной жизни современной Японии, и надо признать, что в целом интерес этот неплохо удовлетворяется: количество книг как отечественных авторов, так и переводных, изданных за последние годы в СССР и посвященных различным аспектам жизни современных японцев, весьма велико. Однако вопросы, связанные с особенностями семейной жизни японцев, не только не находили до сих пор специального освещения, но и слабо затрагивались в книгах более общего характера, рассказывающих о японском обществе в целом, а если и затрагивались, то преимущественно освещались архаические, консервативные, пережиточно-патриархальные черты в современном японском семейном быту.

Мало внимания уделяла до сих пор семейной жизни японцев и западная японоведческая литература. Скорее всего это не случайно. Исследование семейной жизни в этносоциологическом аспекте — дело очень сложное, кропотливое, требующее значительного объема времени, установления близкого и доверительного контакта с информантами. Исследователю-иностранцу оно обычно не под силу. В то же время следует отметить, что сами японские исследователи изучают проблемы семейного быта в своей стране очень детально и скрупулезно и опубликовали по этой теме множество работ, которые недоступны широким кругам читателей за пределами Японии, так как все они изданы на японском языке.

И. А. Латышев, хотя и прожил много лет в Японии, не ставил перед собой задачу непосредственных личных исследований семейной жизни японцев. Его книга основана на углубленном изучении и обобщении широкого круга японской специальной литературы и прессы. Разумеется, хорошее практическое знание японской жизни помогло И. А. Латышеву критически отнестись к публикуемым данным и сделать из них соответствующие выводы.

Одно из основных достоинств рецензируемой книги — ее предельная насыщенность фактическими данными, притом количественного, статистически достоверного характера. Почти на каждой странице мы находим абсолютные цифры и проценты, касающиеся того или иного аспекта семейной жизни японцев, а отдельные страницы почти сплошь заполнены ими. Это придает выводам автора основательность и убедительность. В книге шесть глав, достаточно полно охватывающих основные аспекты семейной жизни: формирование семей (вступление в брак), отношения мужа и жены в семье, воспитание детей, проблемы людей пожилого возраста, «качество жизни» японской семьи, т. е. уровень жизни, питание, жилищные условия и удовлетворение прочих жизненных потребностей и, наконец, соотношение семейного быта с общественным (отношения с родственниками, соседями, сослуживцами и т. д.).

Красной нитью через всю книгу проходит стремление автора показать существующую в сегодняшней Японии диалектическую борьбу между двумя модусами семейной жизни. Один из них основан на патриархальной, конфуцианской системе ценностей — главенстве мужа, покорности жены, почтении к старшим, принесении в жертву личных интересов интересам родственных уз и фамильной чести и т. д. Именно этот модус чаще всего подчеркивается в социологических работах по Японии, акцентирующих внимание на якобы фундаментальных отличиях японской жизненной мотивации от западноевропейской и американской. Конкретные социологические исследования японских (а отчасти и неазиатских) авторов показывают, однако, что, хотя этот модус в реальной жизни все еще весьма активно вербализуется, на деле он все меньше и меньше актуализуется. Все большее и большее число молодых (да и не только молодых) японцев отходит от него и в своем реальном поведении отдает предпочтение другому модусу, очень близкому к тому, который доминирует, скажем, в современных США.

Этот переход от одного модуса к другому происходит достаточно интенсивно, но все же постепенно. На наш взгляд, автор несколько переоценивает его интенсивность, в целом подспудно подводя читателя к мысли, что «семейная жизнь японцев становится постепенно похожей на семейную жизнь американцев, где дух... воинствующего индивидуализма и семейного эгоизма беззастенчиво пронизывает все сферы человеческих отношений» (с. 260). Представляется сомнительным, чтобы в обозримом будущем модель японской семейной жизни стала вполне идентичной американской модели, не говоря уже о том, что и к семейной жизни американцев подобная формулировка если и применима, то лишь с существенными оговорками. На самом деле оба модуса в той или иной пропорции совмещаются в сознании не только разных поколений, но и большинства отдельных индивидов. И хотя тенденция к постепенному сдвигу в сторону преобладания «американского» модуса налицо, остаточные моменты конфуцианского модуса продолжают оказывать достаточно сильное воздействие если не на глубинную мотивацию поступков, то по крайней мере на внешние формы поведения большинства японцев, не исключая и молодежь.

В то же время несомненно: баланс элементов двух указанных модусов существенно различается как между поколениями, так и между различными категориями населения. Здесь налицо прежде всего классовые различия, различия между буржуазией и пролетариатом, о которых в данной книге сказано не очень много не по вине автора, а прежде всего потому, что это отличие мало отражено в источниках, т. е. обследованиях, проводившихся преимущественно буржуазными исследователями. Ве-

лики различия между городским и сельским населением, населением крупных центральных городов и мелких городков провинциального захолустья и т. д. Но, разумеется, главными остаются различия между поколениями в рамках какой-либо одной группы населения, причем конкретные аспекты этого различия видоизменяются на наших глазах параллельно с входом в активную жизнь все новых и новых демографических когорт.

Эти различия приводят иногда в нынешней Японии к весьма острым формам проявления межпоколенных конфликтов.

В книге И. А. Латышева специальный параграф посвящен «конфронтации несовершеннолетних с родителями и обществом» (с. 144—153). Здесь приведено много чудовищных данных о нападениях детей на родителей, учеников на учителей и т. д. Но остается не вполне ясным, в какой мере рост детской преступности связан с такими пороками японского общества, изживания которых в нынешних условиях ожидать не приходится, и в какой мере он связан именно с тем резким противостоянием модусов разных поколений, о котором говорилось выше и которое с уходом в прошлое доминантности конфуцианских норм может потерять свою остроту. Как пишет И. А. Латышев (с. 152—153), в Японии «наряду с подростками, слепо nasledующими мировоззрение родителей..., наряду с подростками, выходящими из-под родительского контроля и скатывающимися затем на путь безнравственного поведения..., имеется также и большое число... молодых людей, избирающих иной — третий путь... путь революционной борьбы за высокие идеалы». Автор признает, что доля молодых людей, избирающих этот третий путь, пока невелика. Но думается, что и первый и второй путь также не характерен для большинства японской молодежи; пожалуй, наиболее характерен еще один путь, о формировании которого говорится на с. 139—143. Здесь мы узнаем, что в подавляющем большинстве японских семей воспитываются конформисты, весьма далекие от традиционных спартанских идеалов и даже, наоборот, ориентированные преимущественно гедонистически, но умеющие должным образом маскировать свои эгоистические устремления.

В рамках рецензии можно охарактеризовать лишь основную направленность книги; рецензия не может дать представления о богатстве и разнообразии той ценной и достоверной информации, которую может почерпнуть из нее внимательный читатель, не ленившийся вникать в цифровые данные. Можно лишь сказать, что книга И. А. Латышева заполняет существенную лакуну в информированности советского читателя о жизни современной Японии. Она принадлежит к числу таких книг, которые нельзя просматривать бегло; в нее нужно вчитываться со вниманием, раздел за разделом, и такое чтение дает вполне объективное представление об основных характерных чертах семейной жизни современных японцев.

С. А. Арутюнов